

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.67.24>ОНТОЛОГИЯ КАК СТРУКТУРООРГАНИЗУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОЙ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА Ф. И. ТЮТЧЕВА

Научная статья

Дегтярева А.Н.^{1,*}¹ Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (degtyarevaa8[at]gmail.com)

Аннотация

Цель исследования — доказать, что индивидуально-авторская картина мира Ф.И. Тютчева имеет полипарадигмальный характер. Новизна исследования обусловлена рассмотрением поэзии Ф.И. Тютчева в свете концепции Г.П. Щедровицкого о методологической онтологии. Данный подход позволяет переосмыслить структуру индивидуально-авторской картины мира поэта, переведя ее из плоскости в трехмерное пространство, и решить вопрос о ее целостности. В процессе исследования использовались общенаучные (сопоставление, анализ, синтез) и собственно лингвистические (синтаксический анализ, контекстуальный анализ) методы. Результаты исследования позволяют прийти к выводу, что отражение в творчестве Ф.И. Тютчева нескольких картин мира и мировоззренческих парадигм связано со стремлением поэта дать объемное изображение объекта, охарактеризовав его с разных сторон.

Ключевые слова: Ф.И. Тютчев, языковая картина мира, индивидуально-авторская картина мира, методологическая онтология.

ONTOLOGY AS A STRUCTURALLY ORGANISING COMPONENT OF F. I. TYUTCHEV'S
POLYPARADIGMATIC LINGUISTIC WORLDVIEW

Research article

Degtyareva A.N.^{1,*}¹ The Kosygin State University of Russia, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (degtyarevaa8[at]gmail.com)

Abstract

The aim of the study is to prove that F.I. Tyutchev's individual author's worldview has a polyparadigmatic character. The novelty of the research is due to the review of F.I. Tyutchev's poetry in the light of G.P. Shchedrovitsky's concept of methodological ontology. This approach allows to rethink the structure of the individual author's view of the poet's world, transferring it from a plane to a three-dimensional space, and to solve the issue of its integrity. In the process of the research general scientific (comparison, analysis, synthesis) and linguistic (syntactic analysis, contextual analysis) methods were used. The results of the study allow to come to the conclusion that the reflection in F.I. Tyutchev's work of several world concepts and worldview paradigms is connected with the poet's desire to give a three-dimensional image of the object, characterising it from different sides.

Keywords: F.I. Tyutchev, linguistic worldview, individual author's worldview, methodological ontology.

Введение

Результатом четвертой научной революции XX–XXI веков стало формирование постнеклассической науки, для которой свойственны комплексная исследовательская программа, целостная общенаучная картина мира и междисциплинарный подход. Этот факт привел к росту *актуальности* работ, направленных на изучение старых тем с позиций современной междисциплинарной научной парадигмы. В данной статье осуществляется синтез философского и лингвистического знания для анализа поэзии Ф.И. Тютчева.

Цель работы — доказать, что кажущаяся калейдоскопичность индивидуально-авторской картины мира Ф.И. Тютчева — это результат не ее раздробленности, а ее полипарадигмальности и объемности, связанных со стремлением поэта к познанию действительности, для которого необходимы преодоление ограничения субъективного восприятия мира и построение онтологии, которая бы наиболее правдоподобно отражала бытие. Именно с данным стремлением и связано появление в его поэзии элементов из разных национальных картин мира и разных мировоззренческих парадигм, так как это позволяет Ф.И. Тютчеву посмотреть на действительность с разных ракурсов и заметить элементы, которые в пределах одной мировоззренческой парадигмы могут быть не видны.

Для достижения поставленной цели было необходимо решить следующие задачи:

1. Выявить и проанализировать картины мира и мировоззренческие парадигмы, отраженные в поэзии Ф.И. Тютчева.
2. Определить их функции.
3. Сопоставить стихотворения или фрагменты стихотворений, в которых представлены разные картины мира, и выявить, что между ними общего и что их отличает друг от друга.

Объект исследования — индивидуально-авторская картина мира Ф.И. Тютчева.

Предмет — целостность индивидуально-авторской картины мира поэта.

Материалом для исследования послужили все стихотворения Ф.И. Тютчева за 1813–1873 гг., а также их варианты, представленные в полном собрании сочинений 2002–2005 гг. [9], [10], за исключением стихотворений, приписываемых Ф.И. Тютчеву, а также произведений, в авторстве которых есть сомнения.

При изучении данного материала использовались общенаучные (сопоставление, анализ, синтез) и собственно лингвистические (синтаксический анализ, контекстуальный анализ) методы.

Онтология, мировоззрение и картина мира

В качестве ключевых в данной статье выступают три смежных термина: «онтология», «языковая картина мира» и «мировоззрение», которые тесно связаны между собой, но не тождественны. Р.Ю. Рахматуллин, сопоставляя термины «онтология», «мировоззрение» и «картина мира», предлагает следующее разграничение: онтология — это философская рефлексия над картиной мира, а картина мира — это предметная сторона мировоззрения, в которой конкретизированы знания о наиболее важных для индивида объектах мира, данные знания переживаются индивидом как подлинно существующие объекты реальной действительности, их свойства и отношения между ними [8, С. 168].

Под языковой картиной мира в работе понимается «совокупность знаний об окружающем человека мире, запечатленных в языковой форме. Отраженные в языке представления данного языкового коллектива о строении, элементах и процессах действительности» [15].

При этом связь между онтологией и картиной мира оказывается двунаправленной. С одной стороны, картина мира личности, отражающая реальность (познаваемый человеком мир) и формируемая под влиянием действительности (мира вещей до человека и помимо человека), влияет на построение онтологии этой личности. Но, с другой стороны, уже сформированная онтология оказывает воздействие на дальнейшее развитие картины мира. М. Хайдеггер писал на этот счет следующее: «Мы способны схватывать сущее как таковое, как сущее, только если мы понимаем нечто такое, как бытие» [12, С. 12].

Онтология как философская дисциплина, ставящая вопросы о сущности мира, о его происхождении, о том, что лежит в основе бытия прошла долгий путь развития. В истории философии выделяется два периода:

- 1) классическая философия (до 2-ой половины XIX века);
- 2) неклассическая философия (со 2-ой половины XIX века) [11, С. 7].

Для первого периода характерно стремление построить философскую систему, которая сможет раз и навсегда справиться со своей главной задачей — создание предельно обобщенной универсальной картины мира и определение места человека в нем. Во второй период уже нет цели сформировать философскую систему, способную решить все фундаментальные проблемы философии, так как эта цель уже осознается как недостижимая ввиду ограниченности человеческого познания конкретными социально-культурными и историческими обстоятельствами [11, С. 7].

Важным этапом в развитии онтологии является формирование представления о методологической онтологии в концепции Г.П. Щедровицкого. Исследователь указывает на ошибочность установки классической философии и построенной на ней науки, что, если одна и та же ситуация описывается по-разному в разных знаниях, необходимо задаться вопросом, какое из них истинное [14, С. 88]. Г.П. Щедровицкий считает, что в отдельных науках отражается свое онтологическое представление об объекте реальной действительности, данное представление выступает как один из аспектов реального объекта. Задача методологической онтологии — объединить разные онтологические представления в единый образ, учитывая при этом, что в онтологических представлениях отражаются не только и не столько реальные характеристики объективного мира, сколько знания познающего субъекта, которые построены под влиянием его картины мира, а также норм, схем и средств исследования [14, С. 89–119].

Представления о методологической онтологии позволяют решить вопрос о целостности индивидуально-авторской картины мира Ф.И. Тютчева и объяснить появление нескольких картин мира в его поэзии.

Вопрос о целостности индивидуально-авторской картины мира Ф.И. Тютчева

Вопрос о целостности индивидуально-авторской картины мира Ф.И. Тютчева и о том, что же можно считать объединяющим началом в его поэтическом дискурсе, на данный момент остается дискуссионным, так как в творчестве поэта нашли свое отражения элементы разных мировоззренческих парадигм. В работах, посвященных анализу поэтической картины мира Ф.И. Тютчева, можно обнаружить два вектора. Первый связан с рассмотрением поэзии Ф.И. Тютчева в динамике и с выявлением движения в творчестве поэта от языческого натурализма к критике пантеизма и христианскому экзистенциализму [3, С. 97–112], [5].

Второй вектор связан с системным анализом всей поэзии, здесь можно обнаружить две противоположные точки зрения. Например, Емельяненко указывает на раздробленность картины мира поэта и отрицает ее целостность [1, С. 79]. Среди исследователей, видящих поэзию Ф.И. Тютчева как целостную систему, нет единого мнения о том, что же выступает в ней в качестве объединяющего начала. Так, В.К. Кожин считал, что эту роль играет образ мыслителя [2, С. 14–15]. Ю.М. Лотман писал, что в основе поэзии Ф.И. Тютчева лежит оппозиция бытие — небытие, которая реализуется в более частных оппозициях (*Россия — Запад; Север — Юг; день — ночь, время — безвременье* и т.д.), которые в свою очередь представлены в творчестве поэта в разных вариантах [6, С. 145–172]. Ю.В. Левин считал, что целостность поэзии Ф.И. Тютчева обеспечивает инвариантный сюжет, играющий роль основного мифа в творчестве поэта. По мнению Ю.В. Левина, в лирике Тютчева представлены два мира — земной (профанный) и небесный (сакральный). Человек привязан к земному миру, в котором «пребывает в состоянии жалком и недолжном». Но в некоторые моменты человеку приоткрывается и мир сакральный, соответственно герой оказывается способен соприкоснуться с ним, перейти в иное, «должное состояние», но такие моменты всегда краткосрочны [4].

Л.В. Пумпянский писал, что поэзия Ф.И. Тютчева — это метафизическая поэзия, при этом исследователь отделяет метафизику от философии. По мнению Л.В. Пумпянского, метафизика происхождения не философского, а эстетического, так как философия стремится к исследованию мира, а метафизика — к его интерпретации. На практике

метафизика вносила в толкуемую ею действительность смысл, почерпнутый не из самой действительности, а из культурного мира философа. Согласно метафизике источником ее знания является откровение реальности [7, С. 9–22].

Конечно, художественное произведение — это всегда результат преломления действительности в восприятии субъекта, порождающего текст. И во многих своих стихотворениях Ф.И. Тютчев транслирует себя как метафизик, познающий мир интуитивно. Однако некоторые свойства его поэзии свидетельствуют о стремлении поэта именно к исследованию действительности, для которого необходимо преодоление ограничения субъективного восприятия мира и построение онтологии, которая бы наиболее правдоподобно отражала действительность. Именно с этим стремлением и связано появление в поэзии Ф.И. Тютчева элементов из разных национальных картин мира и разных мировоззренческих парадигм.

Организованная калейдоскопичность индивидуально-авторской картины мира Ф.И. Тютчева

Поэзия Ф.И. Тютчева действительно изобилует элементами из разных картин мира: античной мифологической («Два голоса», «Странник», «Цицерон»), христианской («Пошли, Господь, свою отраду...», «Святые горы», «Эти бедные селенья»), исламской («Олегов щит», «Запад, Норд и Юг в крушенье»), пантеистической («Не то, что мните вы, природа...», «Нет, своего к тебе пристрастья...»), древнескандинавской («Арфа скальда») и т.д. При этом изображение природы через призму религиозного мировидения переплетается с критическим («Там, где горы, убега...», «Probleme»), а иногда и с атеистическим («И чувства нет в твоих очах...», «Ночной порой в пустыне городской») восприятием действительности. Все это создает ощущение раздробленности поэтической картины мира Ф.И. Тютчева, но при более детальном рассмотрении становится ясно, что все эти разнородные фрагменты выстраиваются в единую полипарадигмальную систему.

Одной из ключевых проблем в поэзии Ф.И. Тютчева становится проблема устройства бытия, которая распадается на несколько более частных вопросов: что лежит в основе мира? («Святая ночь», «День и ночь»), есть ли у него создатель? («Probleme»), каково место человека в этом мире и какова связь между человеческой душой и основой бытия? («О чем ты воешь, ветр ночной?», «О вещая душа моя»), обладает ли природа памятью и душой? («Природа — Сфинкс», «Не то, что мните вы, природа») и т.д.

При этом поэт ясно осознает ограниченность человеческой речи и невозможность через нее не только описать действительность, но и просто выразить свою мысль. Наиболее явно эта идея проявляется в стихотворении «Silentium», где она дана в открытом призыве: «Молчи, скрывайся и таи // И чувства и мечты свои» и в утверждении: «Мысль изреченная есть ложь». Также раскрывается она и в произведении «Нам не дано предугадать...», где автор иллюстрирует процесс преломления и изменения наших слов в чужом сознании: «Нам не дано предугадать, // Как слово наше отзовется».

Данный факт свидетельствует об осознании Ф.И. Тютчевым ограниченности восприятия действительности в пределах отдельной индивидуальной картины мира, что объясняет его стремление осветить одну и ту же ситуацию или один и тот же объект с разных сторон.

Так, например, стихотворения «Не говори: меня он, как и прежде, любит...» и «О, не тревожь меня укором справедливой» выстраиваются в диалог, где одна и та же ситуация показывается с двух сторон. В первом стихотворении мы видим ситуацию глазами героини ролевой лирики, на что указывает использование форм женского рода: «Увлечена, в душе уязвлена, // Я стражду, не живу...», второе же произведение — это ответ лирического героя на «справедливую укор» его возлюбленной.

При этом можно увидеть яркую разницу в эмоциональной окраске двух стихотворений, которая проявляется уже на уровне синтаксиса. Первое стихотворение изобилует многоточиями, которые появляются не только в конце предложения, но и в середине, что иллюстрирует сбивчивость речи; в восьмой строке мы видим два восклицательных знака, один из которых сочетается с многоточием и стоит в середине строки: «Но эта жизнь!.. о, как горька она!»

Во втором произведении восклицательный знак используется только в первой строке, иллюстрируя раздражение главного героя из-за слов своей возлюбленной: «О, не тревожь меня укором справедливой!», два других предложения в этом стихотворении завершаются точкой, выражающей более спокойную интонацию. Кроме того, в стихотворении появляется двоеточие, выражающее причинно-следственные отношения, и тире, подчеркивающее сопоставление: «Поверь, из нас из двух завидней часть твоя: // Ты любишь искренно и пламенно, а я — // Я на тебя гляжу с досадою ревнивой». Все это свидетельствует о том, что во втором стихотворении мы видим более спокойное эмоциональное состояние и сохранение критического мышления.

Заметна эта разница и на уровне содержания двух произведений. Спектр эмоций героини ролевой лирики в первом стихотворении колеблется между увлечением: «Увлечена, в душе уязвлена», сильной печалью и гневом: «То в гнев, то в слезах, тоскуя, негодуя», «Я стражду, не живу...», при этом данные колебания носят непоследовательный характер, что подчеркивает сильный уровень эмоционального возбуждения. Оценка действий лирического героя и жизни тоже производится под воздействием таких эмоций, как печаль и гнев: «О нет, он жизнь мою бесчеловечно губит», «Но эта жизнь!.. о, как горька она!».

Во втором произведении мы видим несколько иной набор эмоций: зависть: «Поверь, из нас из двух завидней часть твоя: // Ты любишь искренно и пламенно, а я — // Я на тебя гляжу с досадою ревнивой», жалость к себе: «И, жалкий чародей, перед волшебным миром, // Мной созданным самим, без веры я стою», стыд: «И самого себя, краснея, узнаю // Живой души твоей безжизненным кумиром». О более низком уровне эмоционального возбуждения в этом стихотворении свидетельствует наличие объективной оценки в первой строке: «О, не тревожь меня укором справедливой!». Здесь, с одной стороны, выражено негативное отношение лирического героя к замечаниям возлюбленной, но, с другой стороны, эмоции не мешают ему понять, что слова возлюбленной справедливы.

Таким образом, в двух стихотворениях нам открывается два ракурса на одну и ту же ситуацию. В первом стихотворении мы видим мир сквозь призму яркого эмоционального восприятия героини ролевой лирики, а во втором

— через самоанализ лирического героя. В представленном примере объект описания сужается до взаимоотношений в конкретной паре, однако в поэзии Ф.И. Тютчева появляются и более масштабные картины.

Например, в стихотворении «Олегов щит» отражены две религиозные картины мира – христианская (в обращении славян к Богу) и исламская (в молитве магометан). Кроме того, при издании в журнале «Галатея» в 1829 году данное стихотворение выступало в качестве одной из частей в стихотворении «Видение» [9, С. 332], в этом издании к двум перечисленным картинам мира добавляется античная мифологическая. Однако во всех других изданиях произведения «Видение» и «Олегов щит» отделены друг от друга [9, С. 332].

При этом интересно отметить, что разные картины мира и их фрагменты в произведениях поэта могут выполнять несколько функций. Так, в ряде стихотворений Ф.И. Тютчева мифонимы используются исключительно как фигуры речи: «За нашим веком мы идем, // Как шла Креуза за Энеем», «Женись и в полном смысле слова // Будь адъютант своей жены. // Тогда предамся вдохновенью, // Разбудит Музу Гименей».

В других стихотворениях та или иная картина мира становится объектом анализа. Такую ситуацию мы можем увидеть в произведении «Там, где горы, убегая». Большую часть стихотворения занимает описание мира сквозь призму мифологического восприятия, для которого характерна вера в фей и одухотворенную природу, но предваряют это описание слова: «Там-то, баяют, в стары годы», которые подчеркивают дистанцию между картиной мира автора и картиной мира, иллюстрируемой далее. Мифологическая картина мира оценивается здесь через призму критического восприятия, и в конце стихотворения делается вывод, что видение мира, свойственное мифологическому сознанию, осталось в прошлом: «Все прошло, все взяли годы — // Поддался и ты судьбе, // О Дунай, и пароходы // Нынче рыщут по тебе».

Обратную ситуацию можно увидеть в стихотворении «Не то, что мните вы, природа», в котором пантеистическая картина мира становится призмой, о чем свидетельствуют категорические утверждения в первой строфе: «Не то, что мните вы, природа: // Не слепок, не бездушный лик — // В ней есть душа, в ней есть свобода, // В ней есть любовь, в ней есть язык...». А вот восприятие мира, лишаящее природу души и свободы, выступает в качестве объекта и оценивается как ложное, что проявляется в иронических замечаниях: «Вы зрите лист и цвет на древе: // Иль их садовник приклеил?» и в иллюстрации слепоты и глухоты тех, кто не видит одухотворенности природы: «Они не видят и не слышат, // Живут в сем мире, как впотьмах», «Не их вина: пойми, коль может, // Органа жизнь глухонемой!».

Интересным представляется анализ произведений, в которых появляется христианская картина мира. В поэзии Ф.И. Тютчева нашли свое отражение три ветви христианства: православие, католицизм и лютеранство, но примечательно, что последние две ветви никогда не выполняют функцию призмы, через которую изображается действительность, они всегда становятся объектом, оцениваемым и описываемым через призму православного восприятия действительности.

Например, в стихотворении «Чехам от Московских славян» транслируется мысль о том, что чешскому народу необходимо отказаться от католицизма и принять православие. Одной из отличительных черт двух ветвей христианства является отношение к причастию. В католической церкви утвердилось причащение мирян под видом одного хлеба. Безусловный запрет на причащение мирян под двумя видами продолжал своё действие до II Ватиканского Собора. Однако практика причащения под одним видом не вполне преодолена в богословском сознании католиков даже теперь [13]. Поэтому «Чаша» в стихотворении Ф.И. Тютчева становится символом православия, оценивающегося в качестве истинной религии, которая должна освободить Чехов от «духовного плена»: «Примите Чашу! Всем звездой // В ночи судеб она светила // И вашу немощь возносила // Над человеческой средой. // О, вспомните, каким она // Была вам знаменем любимым». Католичество же в произведении оценивается резко негативно: «Себя лишать даёте вы // Иноплеменной дерзкой ложью», «И долго ль, долго ль этот плен, // Из всех тяжчайший, плен духовный, // Еще сносить ты осужден, // О чешский люд единокровный?».

Отрицательная оценка католичества переходит и на связанный с этой ветвью христианства Рим, что ведет к появлению следующих строк: «Свершится казнь в отступническом Риме», «И, цепь порвав с юродствующим Римом», «И римской лжи суровый обличитель». Однако резко негативное отношение к Риму в поэзии Ф.И. Тютчева переплетается с преклонением перед былой славой древнего города: «И спящий град, безлюдно-величавый, // Наполнила своей безмолвной славой...» и положительным описанием природы Италии: «Благоуханна и светла, // Уж с февраля весна в сады вошла». Таким образом, один и тот же объект в творчестве поэта характеризуется не однобоко, а с разных ракурсов, что делает изображение более объемным.

В отдельных случаях подобный объем создается Ф.И. Тютчевым за счет сопоставления двух мировоззренческих парадигм в пределах одной картины мира. Подобную ситуацию мы видим в стихотворении «Два голоса». На протяжении всего стихотворения мир изображается сквозь призму античной мифологической картины мира, но в рамках данной картины мира формируются два противоположных мировоззрения. Первый голос оценивает человеческую жизнь как бесполезную череду страданий и тревог: «Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!», «Тревога и труд лишь для смертных сердец... // Для них нет победы, для них есть конец», второй же, признавая сложность человеческой жизни, видит в этой борьбе не слабость смертных, а их силу: «Пускай олимпийцы завистливым оком // Глядят на борьбу непреклонных сердец. // Кто ратуя пал, побежденный лишь Роком, // Тот вырвал из рук их победный венец».

Также иногда включение одной и той же ситуации в разные контексты вызвано высокой степенью важности той или иной проблемы для Ф.И. Тютчева. Например, во многих произведениях поэта поднимается вопрос об утере человечеством веры. В стихотворении «А.Н. Муравьеву» речь идет об утере мифологического восприятия действительности, при этом картина мира, свойственная древним народам, оценивается положительно и связывается с чудесами, жизнью, волшебством и весельем, а современное научное восприятие — с опустошением, засухой, теснотой, рабством, скованностью, суетой и скукой: «Нет веры к вымыслам чудесным, // Рассудок всё опустошил // И,

покорив законам тесным // И воздух, и моря, и сушу, // Как пленников — их обнажил; // Ту жизнь до дна он иссушил», «О раб учёной суеты // И скованный своей наукой!», «Чертог волшебный добрых фей // И в сновиденье — веселей, // Чем наяву — томиться скукой».

В переводе Ф.И. Тютчева стихотворения Гете “*Negire*” («Запад, Норд и Юг в крушение») ключевой оказывается также проблема утери веры, но погруженная уже в исламский контекст, на что указывает имя персидского поэта XIV в. Хафиза (Гафица) и некоторые культурные реалии: «Песни Гафица святы // Усладят стези крутые: // Их вожатый голосистый, // Распевая в тверди чистой, // В позднем небе звезды будит // И шаги верблюдов нудит». Несмотря на другой культурный контекст, как и в стихотворении «А.Н. Муравьеву», в переводе «Запад, Норд и Юг в крушение» можно найти отрицательную оценку рационального восприятия мира, выраженную через концепт «теснота»: «Мысль — тесна, пространна вера». Завершают перевод следующие строки: «И сие высокомерье // Не вменяйте в суеверье; // Знайте: все слова поэта // Легким роем, жадным света, // У дверей стучатся рая, // Дар бессмертья вымоляя!..». В приведенном фрагменте можно выделить нарратив: «Человек стоит перед вратами в рай, но не может войти».

Данная повествовательная структура появляется и в стихотворении «Наш век», в котором передается уже христианский взгляд на утерю человечеством веры. Христианское восприятие подкрепляется соответствующей лексикой: «плоть», «дух», «ропщет», «скорбит». А строки: «Не скажет ввек, с молитвой и слезой, // Как ни скорбит перед замкнутой дверью: // “Впусти меня! — Я верю, боже мой! // Приди на помощь моему неверью!..”» отсылают к тексту Евангелия от Матфея, где Иисус говорит: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучитесь, и отворят вам. Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащемуся отворяют» (Мф 7:7–11) и к Евангелию от Марка: «И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: “Верую, Господи! помоги моему неверию”» (Мк 9:24).

Очень большое значение в поэзии Ф.И. Тютчева имеет также концепт «любовь». Часто любовь в творчестве поэта характеризуется как болезненное чувство, приносящее страдание, а в стихотворении «Близнецы» любовь и вовсе приравнивается к самоубийству. Однако причины несчастной любви определяются по-разному, в зависимости от той картины мира, сквозь призму которой изображается ситуация.

Например, в произведении «Предопределение» проявляется мифологическая картина мира, для которой свойственна вера в неподвластную человеку судьбу. Название, а также фраза «гласит преданье», повторяющееся дважды прилагательное «роковой» и словоформы «неизбежной» и «вернее» свидетельствуют о том, что в стихотворении сценарий несчастной любви оценивается как единственно возможный и прописанный заранее, а итогом такой любви становится не только несчастье, но и гибель любящей души.

Несколько иную ситуацию мы видим в стихотворении «Когда нет Божьего согласия», что проявляется уже в первой его строфе: «Когда на то нет Божьего согласия, // Как ни страдай она, любя, — // Душа, увы, не выстрадает счастья, // Но может выстрадать себя...». Конечно, здесь тоже сообщается о неизбежности печальной концовки любви, но, во-первых, в качестве ее причины выступает уже не рок, а Божья воля. Во-вторых, союз «когда» подчеркивает ситуативный характер такого развития событий: то, что описывается далее, происходит при определенном условии: если нет «Божьего согласия», а не всегда. В-третьих, заканчивается четверостишие указанием на возможность спасения страдающей души.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение поэзии Ф.И. Тютчева в свете концепции Г.П. Щедровицкого позволяет переосмыслить структуру индивидуально-авторской картины мира поэта, переводя ее из плоскости в объемное пространство.

Конечно, поэтический дискурс Ф.И. Тютчева — это результат его субъективного осмысления действительности. Кроме того, нельзя отрицать, что в ряде стихотворений поэт высказывается как метафизик, познающий мир интуитивно. Но вместе с этим при целостном рассмотрении творчества Ф.И. Тютчева становится ясно, что в рамках своей поэзии он проявляет себя как истинный исследователь, стремящийся построить объемное и максимально объективное изображение действительности, при котором дается иллюстрация одного и того же явления или предмета с разных сторон, сквозь призму нескольких картин мира и мировоззренческих парадигм.

В стихотворении «*Silentium*» поэт задается вопросами: «Как сердцу высказать себя? // Другому как понять тебя? // Поймет ли он, чем ты живешь?», и на протяжении всего своего творчества он пытается ответить на эти вопросы, встав на место другого, взглянув на ситуацию сквозь призму чужого видения. Таким образом, Ф.И. Тютчев в своей поэзии на интуитивном уровне выстраивает свою методологическую онтологию, которую уже в XX веке на рациональном уровне опишет Г.П. Щедровицкий.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Емельяненко В.Д. Мировоззрение В.С. Соловьева и творчество Ф.И. Тютчева / В.Д. Емельяненко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 11 (37). — Ч. I. — С. 76–81.

2. Кожин В. О тютчевской плеяде поэтов / В. Кожин // Поэты тютчевской плеяды: Стихи / вступ. ст. В. Кожина, статьи о поэтах и примечания Е. Кузнецова. — Москва : МИД «Синергия», 1996. — 288 с.
3. Козырев Б.М. Письма о Тютчеве. Из третьего письма / Б.М. Козырев // Литературное наследство. Федор Иванович Тютчев. — Москва, 1988. — Т. 97. — Кн. 1. — С. 97–112.
4. Левин Ю.И. Инвариантный сюжет лирики Тютчева / Ю.И. Левин // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф.И. Тютчева. — Таллинн, 1990. — С. 142–206.
5. Ли Су Ен. Художественная философия в поэзии Ф.И. Тютчева : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Ли Су Ен. — Санкт-Петербург, 2002. — 160 с.
6. Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Избр. ст.: В 3 т. — Таллин, 1993. — Т. 3. — С. 145–172.
7. Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева / Л.В. Пумпянский // Урания. Тютчевский альманах. 1803–1928. — Ленинград : Прибой, 1928. — С. 9–57. — URL: <https://ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/pumpjansk.html> (дата обращения: 21.06.2025).
8. Рахматуллин Р.Ю. Картина мира или онтология? / Р.Ю. Рахматуллин // Манускрипт. — 2016. — № 10 (72). — С. 167–169. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kartina-mira-ili-ontologiya> (дата обращения: 21.06.2025).
9. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. Т. 1: Стихотворения, 1813–1849 / Ф.И. Тютчев; сост., подгот. текстов, коммент. В.Н. Касаткина. — Москва : Классика, 2002. — 547 с.
10. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. Т. 2: Стихотворения, 1850–1873 / Ф.И. Тютчев; сост., подгот. текстов, коммент. В.Н. Касаткина. — Москва : Классика, 2003. — 657 с.
11. Философия : учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Миронова. — Москва : Норма, 2005. — 928 с.
12. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / М. Хайдеггер; пер. А.Г. Черняков, ред. Б.В. Останин. — Санкт-Петербург, 2001. — 456 с.
13. Шарапов В. Что находится в Чаше Причастия?: размышления о тайне евхаристического преложения (пресуществления) / В. Шарапов. — Москва : Три сестры, 2011. — 426 с.
14. Щедровицкий Г.П. Избранные труды / Г.П. Щедровицкий. — Москва : Шк.Культ.Полит., 1995. — 800 с.
15. Языковая картина мира // Словарь методических терминов. — URL: [https://gramota.ru/poisk?query=языковая%20картина%20мира&mode=slovari&dicts\[\]=25](https://gramota.ru/poisk?query=языковая%20картина%20мира&mode=slovari&dicts[]=25) (дата обращения: 21.06.2025).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Emelyanenko V.D. Mirovozzrenie V.S. Solov'eva i tvorchestvo F.I. Tjutcheva [V.S. Solovyov's worldview and F.I. Tyutchev's works] / V.D. Emelyanenko // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. — 2013. — № 11 (37). — Part I. — P. 76–81. [in Russian]
2. Kozhinov V. O tjutchevskoj plejade poetov [About Tyutchev's galaxy of poets] / V. Kozhinov // Poety tjutchevskoj plejady: Stihi [Poets of Tyutchev's galaxy: Poems] / introd. by V. Kozhinov, articles about poets and notes by E. Kuznetsov. — Moscow : MID "Sinergija", 1996. — 288 p. [in Russian]
3. Kozyrev B.M. Pis'ma o Tjutcheve. Iz tret'ego pis'ma [Letters about Tyutchev. From the third letter] / B.M. Kozyrev // Literaturnoe nasledstvo. Fedor Ivanovich Tyutchev [Literary Heritage. Fedor Ivanovich Tyutchev]. — Moscow, 1988. — Vol. 97. — Book 1. — P. 97–112. [in Russian]
4. Levin Ju.I. Invariantnyj sjuzhet liriki Tjutcheva [Invariant plot of Tyutchev's lyrics] / Ju.I. Levin // Tjutchevskij sbornik: Stat'i o zhizni i tvorchestve F.I. Tjutcheva [Tyutchev Collection: Articles about life and works of F.I. Tyutchev]. — Tallinn, 1990. — P. 142–206. [in Russian]
5. Li Su En. Hudozhestvennaja filosofija v poezii F.I. Tjutcheva [Artistic philosophy in F.I. Tyutchev's poetry] : dis. ... of PhD in Philology : 10.01.01 / Li Su En. — Saint Petersburg, 2002. — 160 p. [in Russian]
6. Lotman Ju.M. Poeticheskij mir Tjutcheva [Tyutchev's poetic world] / Ju.M. Lotman // Lotman Ju.M. Izbr. st.: V 3 t. [Selected articles: In 3 vols]. — Tallinn, 1993. — Vol. 3. — P. 145–172. [in Russian]
7. Pumpjanskij L.V. Poezija F.I. Tjutcheva [Poetry of F.I. Tyutchev] / L.V. Pumpjanskij // Uranija. Tjutchevskij al'manah. 1803–1928 [Urania. Tyutchev Almanac. 1803–1928]. — Leningrad : Priboj, 1928. — P. 9–57. — URL: <https://ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/pumpjansk.html> (accessed: 21.06.2025). [in Russian]
8. Rahmatullin R.Ju. Kartina mira ili ontologija? [Worldview or ontology?] / R.Ju. Rahmatullin // Manuskript [Manuscript]. — 2016. — № 10 (72). — P. 167–169. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kartina-mira-ili-ontologiya> (accessed: 21.06.2025). [in Russian]
9. Tyutchev F.I. Polnoe sobranie sochinenij i pis'ma: v 6 t. T. 1: Stihotvorenija, 1813–1849 [Complete works and letters: in 6 vols. Vol. 1: Poems, 1813–1849] / F.I. Tyutchev; comp., text prep., comm. by V.N. Kasatkin. — Moscow : Klassika, 2002. — 547 p. [in Russian]
10. Tyutchev F.I. Polnoe sobranie sochinenij i pis'ma: v 6 t. T. 2: Stihotvorenija, 1850–1873 [Complete works and letters: in 6 vols. Vol. 2: Poems, 1850–1873] / F.I. Tyutchev; comp., text prep., comm. by V.N. Kasatkin. — Moscow : Klassika, 2003. — 657 p. [in Russian]
11. Filosofija [Philosophy] : textbook for universities / ed. by V.V. Mironov. — Moscow : Norma, 2005. — 928 p. [in Russian]
12. Hajdegger M. Osnovnye problemy fenomenologii [Basic Problems of Phenomenology] / M. Hajdegger; transl. by A.G. Chernjakov, ed. by B.V. Ostanin. — Saint Petersburg, 2001. — 456 p. [in Russian]
13. Sharapov V. Chto nahoditsja v Chashe Prichastija?: razmyshlenija o tajne evharisticheskogo prelozhenija (presushhestvlenija) [What is in the Chalice of Communion?: reflections on the mystery of Eucharistic transubstantiation] / V. Sharapov. — Moscow : Tri sestry, 2011. — 426 p. [in Russian]

14. Shchedrovitskij G.P. Izbrannye trudy [Selected works] /G.P.Shchedrovitskij. — Moscow : Shk.Kul't.Polit., 1995. — 800 p. [in Russian]
15. Jazykovaja kartina mira [Linguistic worldview] // Slovar' metodicheskikh terminov [Dictionary of methodological terms]. — URL:[https://gramota.ru/poisk?query=языковая%20картина%20мира&mode=slovari&dicts\[\]=25](https://gramota.ru/poisk?query=языковая%20картина%20мира&mode=slovari&dicts[]=25)(accessed: 21.06.2025). [in Russian]